

В.М. Чернов

**Че-Ка. Материалы по
деятельности чрезвычайных
комиссий**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
В11

В11 **В.М. Чернов**
Че-Ка. Материалы по деятельности чрезвычайных комиссий / В.М. Чернов –
М.: Книга по Требованию, 2022. – 170 с.

ISBN 978-5-4241-1363-5

Выпуская в свет эту книжку, мы раскрываем перед читателями самую темную страницу летописи русской революции.

Мы хотим пролить полный свет на деятельность того учреждения современного режима, которое сосредоточило вокруг себя всеобщую, исключительную ненависть широчайших слоев населения страны; учреждения, работа которого протекает под непроницаемым покровом тайны, и вокруг которого витает столько зловещих легенд и слухов...

Роковым несчастьем в русской революции было то, что она не только родилась из войны, но более того, явилась ее непосредственным продолжением, ее перенесением - под большевистским руководством - с внешних границ страны внутрь ее. Законное детище войны, большевистская революция естественно унаследовала от нее ее морально-психологический облик.

ISBN 978-5-4241-1363-5

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022
© В.М. Чернов, 2022

Че-Ка

Материалы по деятельности чрезвычайных комиссий

Кровавые психозы

(Вместо предисловия)

Виктор Чернов

Выпуская в свет эту книжку, мы раскрываем перед читателями самую темную страницу летописи русской революции.

Мы хотим пролить полный свет на деятельность того учреждения современного режима, которое сосредоточило вокруг себя всеобщую, исключительную ненависть широчайших слоев населения страны; учреждения, работа которого протекает под непроницаемым покровом тайны, и вокруг которого витает столько зловещих легенд и слухов...

Это учреждение — Че-Ка — спешат ныне формально ликвидировать, а на деле просто переименовать в «Политуправления» при Наркомвнуделе подобно тому, как когда то мнимо «ликвидировали» приобретшие ужаснувшую всех славу *уездные* чрезвычайки — чтобы их немедленно воскресить под более удобным псевдонимом «Политбюро».

Под их собственным именем или под новыми псевдонимами, но Че-ка предстанут перед читающей публикой в полный рост и во всей своей наготе.

Чтобы достигнуть этой цели, мы обратились непосредственно в Россию к людям, недавно вырвавшимся из застенков Че-ка или даже еще находящимся «за решеткой». С величайшими трудностями были написаны, переданы на волю и переправлены к нам все те рукописи, часть которых мы публикуем в этом сборнике. Мы заранее извиняемся перед авторами неиспользованных материалов. Но исчерпать все ужасы деятельности Че-ка мы все равно не можем. Для этого пришлось бы исписать многие томы. Мы боялись задавить читателя слишком большим количеством однородного убийственно мрачного, монотонно гнетущего материала. И какие человеческие нервы могли бы его выдержать?

По понятным причинам авторы предлагаемых очерков выступают под псевдонимами. Но мы берем на себя полную морально-политическую ответственность за все, что имеют они поведать миру. Эти люди пишут не по слухам, подхваченным из вторых или третьих рук. Они восстанавливают события, которых они были непосредственными свидетелями, а часто и жертвами.

Быть может не лишнее будет сказать, что все эти авторы — социалисты, но не все социалисты-революционеры. Нам приходится гарантировать абсолютную правдивость их свидетельств лишь потому, что мы не можем сейчас назвать их имена. Ибо ни в каких посторонних гарантиях они не нуждаются: за них лучшим свидетельством является вся их жизнь, которая при красном терроре большевиков, как и при белом терроре самодержавия, не раз превращалась в сплошное *подвижничество*.

Мы знаем: иные из фактов, сообщаемых ими, до того ужасны, что может, пожалуй, даже явиться сомнение: неужели все это возможно? Неужели до такой степени морального огрубения, до такого пробуждения зверя в человеке можно дойти теперь, в XX веке. Как? Неужели мы — современники чисто средневековых застенков, с пытками, со «смертными венчиками» и т. п. ухищрениями бесчело-

РУССКАЯ ТИПОГРАФИЯ Е. А. ГУТНОВА
BERLIN 8. 14, DRESDNERSTRASSE 82-83.

вечной фантазии разнузданных садистов? Неужели мы — современники воскрешения героями этих застенков «права сильного» на всех, попадающих в сферу их деятельности, женщин? Неужели мыслимо длительное официальное существование таких учреждений, вся кроваво-грязная деятельность которых является воплощенным «оскорблением человечества»?

Мы боимся даже, что у иных может поневоле зародиться мысль, нет ли здесь каких-нибудь истерических преувеличений, нет ли тут какого-нибудь бессознательного фольклорного творчества, в роде пресловутой сказки о каких-то детских пальчиках в супе столовых Петрокоммуны, которой так безнадежно скомпрометировала себя еще недавно наша белая пресса?

Увы! Россия при большевистском режиме стала страной, в которой ничто уже более не является невозможным. В том то и заключается весь ужас ее положения, что, по-видимому, нет и не может быть придумано о ней такой зловещей сказки, которую бы дальнейший ход событий не превратил в такую же зловещую быль.

Два года тому назад «пальчики в супе» были истерическим вымыслом легковерной молвы. А теперь? А теперь — совсем недавно большевистская пресса принесла нам потрясающий, леденящий душу рассказ одного из видных большевистских комиссаров, Антонова-Овсеенко о том, что творится в голодающих губерниях. «Человеческие трупы уже пошли в пищу... Родственники умерших от голода вынуждены ставить на первое время караулы около могил... Умершего ребенка разрубает на куски и кладут в котел». Так говорит этот сподвижник известного Крыленко в *официальном* докладе на съезде советов. И это перепечатывала *официальная* пресса, в которой с тех пор не перестают появляться длинные скорбные списки официально зарегистрированных случаев голодного каннибальства...

При большевистском режиме Россия стала «страной неограниченных возможностей». И если кто попытается усомниться в правдивости рассказов о пытках, когда они исходят от политических противников господствующей партии, то мы сошлемся на признания ее усердных адвокатов.

За границей и в России есть довольно сильное движение, политическим лозунгом которого является «Смена Вех». Его сторонников можно заподозрить в чем угодно, только не в преувеличении темных сторон большевистской действительности. Напротив, они готовы оправдывать кремлевскую власть во всех самых кровавых ее деяниях, ссылаясь на исторические прецеденты — Суллу, Ивана Грозного, Петра Великого, Ришелье, Кромвеля, Робеспьера. Каждый из них знал, за что он проливает кровь, и если то, что он строил, было умно и полезно, — то история ему его кровавый грех отпускала, мало того, признавала, что иначе бы ничего и построить было нельзя. «Не в том дело, что обязанные быть твердыми и суровыми слишком тверды, слишком суровы. Такой порок ныне для русской власти — качество... Энергичный властный правитель жесток, гибнет волю народа под свою волю, он за делом пренебрегает возвышенными, иногда святыми словами. В своей тяжелой, черной работе он не *позволяет себе даже нравственной роскоши быть чистым*» (Бобрищев-Пушкин, — «Новая Вера» в сборн. «Смена Вех», стр. 122–147.).

Эти новые сторонники большевистской власти, пришедшие с правого крыла русской общественности, приняты властью с распростертыми объятиями. Они получили даже официальное помянутое: Государственному Издательству пору-

чено переиздать в России их сборник «Смена Вех». И в этом сборнике мы читаем признание:

«Террор стал самодовлеющим, разнуздал низшие извращенные инстинкты. Харьковцы рассказывали, что малолетний сын известного Саенко просил: „папа, дай мне пострелять буржуев“ — и отец давал винтовку любимому сыну. Не хочется верить этому, но к безответному небу вопиют бесчисленные страшные факты, уже несомненные, доказанные кровавыми, снятыми с женщин скальпами, трупами, найденными в таком виде, что даже врачи не могли разобраться, что с ними делали, были, например, тела темно-коричневого цвета...»(стр. 121.).

Всего невероятнее кажется возможность для героев большевистских застенок возвести в «бытовое явление» такую вещь, как прямое насиливание женщин или систематическое, угрозами казни близких им людей, вымогательство у них согласия стать наложницами. И однако...

И однако, перед нами *официальный документ*: стенографический отчет «первого всероссийского совещания по партийной работе в деревне», изданный центральным комитетом отдела работы в деревне Российской коммунистической партии. Там представитель от Витебской губернии в числе прочих злоупотреблений местных властей, вызвавших восстания, рассказал о таком факте:

«В Полоцком уездном комитете партии нашелся такой человек, который — вы меня простите, если я скажу это здесь, но я скажу правду — изнасиловал около десяти женщин. К величайшему сожалению этот „коммунист“ до самого последнего времени находился в комитете партии. И этот негодяй, находящийся в партии и играющий там важную роль — представьте, как действовал на настроение крестьян». (Стен. отчет, стр. 41).

Трудно поверить, и однако это факт: стенографический отчет не засвидетельствовал в этом месте ни одного восклицания, ни одного перерыва. Мало того: в дальнейших прениях никто не вернулся к этому факту, и никто даже не поинтересовался спросить об имени этого партийного героя. Есть больные места, которых не любят трогать: гораздо спокойнее — пройти мимо. А что касается до жертв, то перед лицом «планетарных» задач большевизма чего стоит осквернение какого то жалкого десятка каких-то женщин! Что их личная трагедия перед лицом пышного представления его повелителями на всероссийской и даже мировой арене своего, угрожаемого провалом, псевдо-коммунистического фарса.

И пусть не пытаются ослабить впечатления всех этих ужасов ссылкой на то, что такие же ужасы творились в разгаре гражданской войны и в противоположном белом стане. Да, и там организовывались учреждения, к которым не даром народная молва прикрепила прозвище «белых чрезвычайек». Да, было бы лицемерием, если бы их творцы, вдохновители или попустители, при чтении этого сборника фарисейски благодарили Бога за то, что он не создал их такими, как «язычники и мытари» большевизма. Но разве от этого подвиги героев «чрезвычайной» юстиции становятся лучше? Скажем больше. Нам понятно, для нас вполне естественно видеть, что деятели реставрации, воздыхатели по старому порядку, и в том числе старые, испытанные заплечные мастера самодержавия остаются верными своим освященным древностью палаческим приемам. Но когда мы видим, что худшими их навыками так легко заразились люди, которые еще вчера вместе с нами были жертвами холодной, обдуманной жестокости

старой «охранки»; которые еще вчера, потрясенные до глубины души, искренне и горячо возмущались ими; люди, которые еще вчера называли себя революционерами, социалистами и в качестве таковых — непримиримыми борцами за свободу и права личности, — о, тогда нашему негодованию не может быть пределов. И ссылаться на антиподов из белого лагеря — значит косвенно сознаваться в собственном ужасающем и бесповоротном падении — падении до уровня людей, всегда в наших глазах бывших олицетворением зоологических инстинктов, грубой силы, произвола и человеконенавистничества.

Пусть не говорят нам и о том, что террористический режим был большевистской власти навязан, как единственное средство спасения, всей исторической обстановкой: блокадой, интервенцией, враждой всего буржуазного мира, бесчисленными заговорами, восстаниями, внутренними Ванделами и покушениями на жизнь большевистских вождей. Пусть не говорят, будто большевистская власть, подобно затравленному зверю, зубами и когтями отстаивающему свое существование, находилась в положении законной самообороны.

Никакая самооборона не может оправдать ни диких издевательств, ни изнасилований, ни коррупции. Это раз. А во вторых, всякий, кто прочтет этот сборник, должен сказать, что с этим аргументом отныне раз и навсегда покончено.

Он не только увидит, как те самые люди, которых еще вчера гноили в тюрьмах вместе с их нынешними жертвами — ныне гноят в тех же самых тюрьмах своих вчерашних товарищей по заключению только за то, что они остались верны заветам социализма в то самое время, как современные господа положения ушли из социалистического лагеря, вслед за блуждающими болотными огоньками новорожденного большевистского коммунизма.

Жутко видеть, как вчерашние социалисты подвергают пытке бессрочным заключением, пытке голодом и холодом, инквизицией допросов, физической расправой и угрозой смерти — других социалистов. Но, быть может, еще более жутко видеть, как бесчеловечно жестоко расправляется большевистский режим с теми, кто не имеет ни малейшего отношения к политическим опасностям, угрожающим советской власти: к самым обыкновенным вульгарным уголовным преступникам, в том числе и к преступникам против собственности, вплоть до обыкновенных жалких воришек.

Когда-то социалисты резко, но справедливо критиковали «классовую буржуазную юстицию» за то, что она безжалостно обрушивается всюю тяжестью своих репрессий на тех, кого делает преступниками уродство, ненормальность всей нашей социальной системы. Социализм был высшим воплощением гуманности, отыскивавшим искру человечности во всех, изуродованных жестокой жизнью, людях; он опасался ее окончательного угашения во мраке «Мертвого Дома». Тюремь старого режима, эти рассадники растления и преступности, возбуждали в социалистах своей холодной жестокостью и бездушностью только отвращение и ужас. Как же могло случиться, что для этих жалких пасынков судьбы и отверженцев жизни, для невольных гостей «Мертвого Дома» большевистский режим принес не облегчение, не «луч света в темное царство», а еще больший беспросветный мрак и отчаяние? Как могло случиться, что при большевизме стали караться смертью порою даже такие преступления, которые при старом режиме кончались коротким пребыванием в арестном доме? Как могло случиться, что самое гнусное издевательство над личностью, поругание человеческого досто-

инства, побои, истязание, мучительство физическое и моральное — расцвели в большевистских тюрьмах таким пышным цветом, что затмили собою весь ужас времен самодержавия?

Пусть нам не говорят, что прежние преступники заслуживали сочувствия потому, что они были как бы уродливым проявлением, как бы социально-патологической формой протеста против буржуазного уклада жизни; что при коммунистическом строе они, напротив, никаких симпатий возбуждать не должны, ибо покушаются на общее достояние. Для тех, кто бедствовал, голодал, вырождался, морально уродовался в трущобах, где гнездится нищета и преступление — безразлично, какие слова золотыми буквами красуются на фронте социального здания и от чьего имени пишутся законы или декреты. При большевистском режиме — кто бы не был в этом виноват, в данном случае безразлично — нищета населения не уменьшилась, а увеличилась. Сам Троцкий не раз говорил о советской России, как о «нищей республике». Но где растет нищета, там фатально растут и преступления. Это, конечно, обидно для самолюбия нового режима. Но что же думать о его деятелях, которые с таким ожесточением вымещают свою обиду на том, на ком легче всего ее выместить — на слабых и неустойчивых членах общества, впавших в преступность? Что сказать о палачах, которые от долгой практики своего бесчеловечного ремесла в гораздо большей степени потеряли образ и подобие человеческие, чем их жертвы? Что подумать и сказать обо всем режиме, который поворачивается страшным ликом медузы ко всем, не укладывающимся в его прокрустовом ложе, о режиме, который с ног до головы забрызган кровью и грязью?

Тот факт, что режим этот создан руками вчерашних социалистов, ныне имеющих себя коммунистами, что над ним водружено красное знамя освобожденного труда — является режущим глаз противоречием, мучительной для социалистической совести загадкой...

* * *

Разгадка ее очень проста. Такой режим, да еще под социалистической этикеткой, конечно, мог возникнуть только в качестве эпилога жестокой и затяжной мировой бойни, так основательно, «надолго и всерьез», разбудившей зверя в человеке.

Роковым несчастьем в русской революции было то, что она не только родилась из войны, но более того, явилась ее непосредственным продолжением, ее перенесением — под большевистским руководством — с внешних границ страны внутрь ее. Законное детище войны, большевистская революция естественно унаследовала от нее ее морально-психологический облик.

Этого совершенно не поняли на Западе, особенно в тех идеалистически настроенных кругах, которые блещут именами Анатоля Франса, Ромена Ролана, Анри Барбюса и др. Им большевизм прежде всего предстал под знаком неприятия войны. Не замечали, что среди протестантов против войны большевики с самого начала образовали свою совершенно особую замкнутую группу и что их «неприятие войны» было обставлено целым рядом оговорок, все красноречие которых выясняется только теперь...

Большевизм отвергал в мировой войне не войну, а лишь ее империалистическую оболочку. Он восставал против этой войны не во имя мира, а во имя «пре-

вращения империалистической войны в гражданскую войну». Термин «гражданская война» им предпочитался даже термину «революция». Мало того, в случае благополучного завершения в какой либо стране гражданской войны диктатурой пролетариата — он предвидел для нее целый ряд революционных войн, и не только оборонительных, но и наступательных, с целью на остриях штыков победоносно пронести красное знамя социальной революции повсюду. Таким образом мировая империалистическая война должна была в конце концов, пройдя через чистилище гражданской войны, превратиться опять таки в мировую войну — страны или стран, где восторжествует социальная революция, против всего остального буржуазного мира. Сложившаяся и окрепшая во время войны идеология большевизма насквозь была пропитана воинственными мотивами. Она уже тогда дышала своеобразным «революционным шовинизмом», в ней уже тогда были зародыши того, что теперь называют «красным империализмом».

Можно сказать, что большевизм был идейно и морально — политически *загипнотизирован* величественным зрелищем мировой военной катастрофы, незаметно для себя пропитался ее духом и лишь мысленно переименовывал ее на свой лад; и когда он жаждал свержения воюющих правительств, он только говорил им: *ôte toi que je m'y mette*¹.

Надо ли после этого удивляться тому, что большевизм перенес в революцию целиком все те методы войны — и те методы управления во время войны — которые представляли возврат к средневековью. Реквизиции, контрибуции, варварская система круговой ответственности и заложничества, сожжения целых сел и даже городов, массовые расстрелы, истребление сопротивляющегося населения, превращение пленников в крепостных рабов, концентрационные лагеря на голодных пайках, жестокие, граничащие с истязаниями и пыткой наказания — все это стало «бытовым явлением» в течение мировой бойни... и все это было со зловещим искусством подражания применено большевиками в «войне гражданской».

Война разнудывала зверя в человеке. Она укрепляла все элементарные зоологические инстинкты, властно стирая с людей всю поверхностную культурную позолоту. Она приучила, жутко приучила к терпкому, сладковатому дурманному запаху крови. Она сразу понизила ценность человеческой жизни — своей и чужой. Она притупила нервы и разучила ужасаться количеству жертв. Годами опьяняясь кровью, человечество приучилось к тяжелому столбняку совести. Право лить кровь и отнимать жизнь перестало быть трагической проблемой. Развивались все виды военного психоза. В том числе размножался тип садистов власти.

Но длительная практика *гражданской войны* действует на человеческую психику еще разрушительнее войны внешней. Хотя бы уже по одному тому, что здесь сплошь и рядом сын должен поднимать руку на отца и брат на брата. Внешняя война локализована. Гражданская война способна избородить фронты во всех направлениях всю страну. Во внешней войне есть какое то отличие фронта, с его беспощадными законами войны, от тыла, который еще хранит какие то остатки норм мирного времени. В гражданской войне фронт и тыл спутываются, и запахом крови пропитывается вся атмосфера.

Большевизм все время мировой войны духовно приобщался к ней, мысленно переименовывая ее по своим мерилам. Вся терминология его за это время быстро

милитаризовалась. Он все время духовно подтягивался, развивая и укрепляя в себе дух боевой готовности, субординации и строжайшей железной дисциплины. Это отражалось и на его идеологии. Война фактически везде оттесняла на задний план демократические учреждения, личные свободы и водворяла примат военной власти — военной диктатуры. И когда-то довольно растяжимое и смутное понятие «диктатуры пролетариата» у большевиков, по закону мимикрии или «мерячения», быстро наполнилось жутко-конкретным и осязательным «военно-полевым» содержанием.

Но кроме этой грубой заразы «военным психозом», война оказывала еще более глубокое и общее влияние на психику. Она сделала государство новым Молохом, всеведущим, всепроникающим и всевластным. Она потребовала милитаризации всей общественной идеологии, подкрепляя свои требования военной цензурой. Гражданина она сделала военнообязанным крепостным воюющего государства. Рядом освидетельствований и переосвидетельствований она настоячиво — напоминала, что ее наместник на земле — государство — отныне требует себе всего человека — всего без остатка. Пробыл час летаргической смерти всех свобод, даже самой элементарной из них — свободы передвижения. Всюду рогатки, разрешения на въезд и выезд, всюду визы, проверка личности, допросы с пристрастием, подробнейшая и тщательнейшая инквизиция совести. Всякий взят под подозрение, всякий должен быть готов доказать, что он не дезертир, не уклоняющийся от воинской повинности, не изменник, не нарушитель «гражданского мира» и не тайный агент враждебной державы. Все квалифицированные специалисты, все интеллектуальные способности «на учете» все в любой момент могут быть мобилизованы и прикреплены к определенным государственным заданиям. Ибо «все для войны, все для победы». Военный психоз выросал в какую то *«мистику государства»*.

В «Les premiers consequences» Лебона, вышедших во время войны, мы читали подчеркнутый с нравственным удовлетворением чудовищный вывод: «La communauté seule existe et les individus ne comptent absolument pour rien²». Семя упало на благодарную почву. Большевизм, подобно сухой губке жадно впитывавший психологические осадки военной атмосферы, всем своим прошлым был как нельзя лучше подготовлен к принесению личности в жертву «сверхличному». Та русская ветвь марксизма, из которой он выделился, дебютировала в русской легальной литературе книжкой П. Струве — нынешнего отступника не только социализма, но и демократии — в которой заявлялось, что социологию интересует в личности не индивидуальное, а лишь типическое — что ее объектом является «лишь личность, совершенно безличная», что в истории вообще не только живет и действует, но и «мыслит не личность, а социальная группа», что, наконец, вообще говоря, «личность есть quantité négligeable³».

Атмосфера войны, глубоко запустившая свои «нежалящие когти» в психику большевиков, была ярким практическим приложением этой теории к жизни. Со своим собственным практическим приложением не замедлили и большевики... И побили все рекорды.

Как то недавно, в момент одного из своих очередных «просветлений», Ленин неожиданно для самого себя и для ближайших соратников открыл, что вся их созидательная работа в течение более трех лет воплощала в жизнь не социализм в истинном и глубоком смысле этого слова, а лишь — *военный коммунизм*....

Конец иллюзиям. «Облетели цветы, догорели огни». Военный коммунизм — нечто гораздо более грубое и элементарное и от социализма далекое, как земля от неба. Ибо потребительский, распределительный военный коммунизм — равенство в нищете, главным образом за счет наличных накопленных в прошлом запасов — знала и практиковала любая осажденная крепость. Такое же грубое, примитивное распределительное равенство и даже коммунизм потребления знает и любое разбойничье племя, ее осуществляет в дележке добычи и простая шайка грабителей.

Советская Россия, с одной стороны, не раз оказывалась в положении блокируемой крепости. С другой стороны, в ней находил свое приложение знаменитый демагогический Ленинский лозунг «грабь награбленное». Тому и другому соответствовал, конечно, не социализм, а примитивный, потребительно-распределительный грубый «военный коммунизм». Он более всего соответствовал и психике большевизма, отравленной гипнозом военных представлений и настроений. «личность — *quantité négligeable*». «*La Communauté seule existe**»... Таков был весь дух большевистской «диктатуры пролетариата». Их военный, милитарный до мозга костей коммунизм приводил к чисто Гоббсовскому «государству-Левиафану», подчинявшему себе личность без остатка. От него естественно пахло казармой и Аракчеевскими военными поселениями. Но человеческая личность, уставшая целиком принадлежать государству, уже за время затянувшейся войны, запротестовала против увековечения своего закрепощения в фирмах, выдаваемых за формы мирного коммунистического творчества.

Здесь то и начиналась другая своеобразная роль «советской власти», как политической формы «диктатуры пролетариата». Она предстала в виде «чистилища», приготавлиющего человечество для будущего социального Элизуума. Государство, имеющее в будущем атрофироваться, в настоящем обращается в авторитарную школу социальной дрессировки. Это — колоссальная машина, в которую история подает наличных людей, с их слабостями, навыками, страстями, мнениями, как «человеческое сырье», подлежащее беспощадной переработке. Из нее они выйдут с удостоверенной «личной годностью», каждый на свою особую жизненную полочку, штампованные, с явным клеймом фабричного производства. Но во всяком производстве есть и брак, и отбросы производства. Они частью попадают в отдел по утилизации отбросов; остаток подлежит безлошадному уничтожению.

«Концлагерь» с его крепостным трудом — это по части «утилизации отбросов». Чрезвычайки с их тюрьмами, зловещими «подвалами», «гаражами расстрелов» и «кораблями смерти» — это отдел по «браковке» и уничтожению «отбросов».

Здесь кульминационный пункт «военно-диктаториального начала» в большевистской системе управления.

«Всероссийские и местные че-ка должны быть органами диктатуры пролетариата — беспощадной диктатуры одной партии» — пишет Петерс («Еженедельник чрезвычайной комиссии» 1918 год, № 27). «Че-ка — это часовой революции» — вторит ему один из подголосков (Газета. Красный меч, 1919 г., № 1, от 18 августа.). «Красота и слава нашей партии — это красная армия и че-ка» — решается выговорить «сам» Зиновьев.

Зловещая, человекоубийственная сторона деятельности этого учреждения их